

ДЕНИС ДАВЫДОВ

СТИХИ И ПРОЗА

Денис Давыдов

Стихи и проза

«Автор»

2026

Давыдов Д.

Стихи и проза / Д. Давыдов — «Автор», 2026

Эта книга — о памяти, одиночестве и времени, которое постепенно меняет человека. В этих стихах город, вещи и случайные детали становятся частью внутренней жизни, а привычная реальность всё чаще смещается в сторону сна, воспоминания и тишины. Здесь нет общей истории и единого сюжета. Это отдельные тексты, связанные одним состоянием: ощущением утраты, отчуждения, хрупкости памяти и попыткой удержать то, что неизбежно исчезает. Эти стихи писались не для того, чтобы объяснить мир, а для того, чтобы всмотреться в него внимательнее. Иногда — в его темноту, иногда — в его пустоту, иногда — в то, что остаётся после человека.

© Давыдов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Над словом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Стихи и проза

Над словом

Предисловие

Комната закрывается скрипом двери за спиной, и за этой дверью остаётся привычка — искать угол, из которого видно всё. Банка, ледяное стекло криокамеры, пустой храм с одной холодной колонной. Автобус, который не приедет. Эти вещи здесь не декорации — это единственные известные автору постаменты для поиска описания одиночества, классификации голосов и беззвучия.

Голос, который говорит в этих текстах, не бьётся о стены, он становится стеной и их обжигает. Иногда с нежностью. Иногда с ужасом — пыль оказывается формой памяти, и в ней слышны шорохи, которых нет. Тело здесь редко бежит. Чаще — растворяется, испаряется с водой, обращается в частицу, которую уже никто не опознает.

Форма ломается вместе с дыханием. Где нужно — строка рассыпается на осколки без рифмы. Где нужно — стягивается в хребет метра, будто на короткое время можно удержать хоть что-то в остовах формы. Проза здесь не спокойнее стиха — она просто иначе несёт свой огонь, кругами, как зверь, который ест собственный след, потому что снаружи не осталось ничего съедобного.

Ни смерть, ни кровь, ни отчаяние не называются здесь по имени. Они оставляют след — на воде, на снегу, на красном, которое просто течёт и не объясняет, откуда. Автор не смотрит на это издали. Он живёт внутри и рассказывает о мебели, о конструкции, ржавчине будней.

Дверь в этих текстах есть всегда. Просто никто не обещал, что за ней теплее.

Над водой

В воду, словно в разбитое Зеркало, Глядит изорванная туча. Нитками обнимая Здешные берёзы. Дожди И грозы Плетут во мне Узелки – узоры, Отсчитываю В своей руке Дни одиночеств. Некий зодчий Выстроил это. Нельзя прочесть До конца. Молчание - Рисунок этого выдоха. Растворится Сотворенный извне И внутри В вывихе Сломанной минуты.

(2026)

Кунсткамера

Твоя тьма — это тень в жаркий полдень. Моя — пустота. Она тише и тише: шёпотом волн купает разъеденный ржавчиной разум в банке со спиртом Кунсткамеры. В зелёном стекле — равнодушные глаза, чьи склеры наполнены мутью. Рассмотрю мой распад, падают звёзды в сосудистой сеточке зрака. Горит одинокая лампа, редеет по свету тоска. Гладкой стеклянной тюрьмой, оградой меж внутри и снаружи оформлена статика смерти.

(2026)

Реквием

Тянется тускло бесконечно длинная улица, В глазницах окон желтеет бессмысленный свет. У двери твоей ржавый ящик тихо сутулится, За дверью тяжёлой тебя никогда уже нет.

Пространство меж нами усыпано хрупкими листьями, Они под ногами сухие и глухо хрустят. Память мостится брусчаткой — тяжёлыми мыслями, И годы над нею тягучей тоскою стоят.

(2026)

Курилка

Parliament -сквозь дымный орнаменткую.Воздух борю,плотный от смол,very small.Перерывна надрыв:в двери петлятоже усталаскрипеть, открывать, принимать,закрывать.Сумрак курилки,восклицательность знака на пачке в 20 провалов.Дрожит от кремушка искр,красных точекв созвездии рака.

(2026)

Оптика

Демонтаж,декупаж,пилотаж
над пустыней —мираж.
Глазверениц,плясказарниц,
копиркалиц.
Лесгоритсотнямиспиц.
Взглядпадает ницна толщустраницнебылиц.

(2026)

Голос

вычерчена чёрнымсолнцемпрямоугольная гладь потолкачное небоглодаетмой голос -
пёсбез поводкабегает теньюот ледяного цветканеоновой ниткимой голосзапуталсяв мембране
наушника на кафельной плиткетакхикардиядрожащей лампыкрошит беззвучиестен

(2026)

Эндография

Ежечасно теряя очки текущего дня, я проваливался в эту жизнь, словно в топкое болото времени — оно не текло, оно тягивало каждый год, каждый фрагмент личности в свои торфяные глубины. Мрачные и оттого тягучие слои памяти складывались, оседали подвальной пылью, закрывая собой четкие очертания картинок прошлого. Некоторые воспоминания утрачены безвозвратно, а большинство из них — как мутный пейзаж, который не узнаешь даже при пристальном взглядывании. Вода в основе всего сущего на земле, в ее свойстве есть что-то завораживающее: в ней тонет, растворяется, меняется и ею питается, кажется, само время. И на ее зеркале отражается рыхлое подсознание, вырисовывается основной скелет личности. Удивительно не помнить 80 процентов прожитого времени: книги, потерявшиеся в закоулках памяти, ушедшие уровни тончайшего восприятия, что замурованы реальностью практического выживания. Видимо, утонувшие в массиве новой информации основные платы перегорели для того, чтобы сохранился сухой остаток текущего состояния памяти и сознания, что теперь пишет этот текст. Вот ты и чистый смысл пустого листа; удивительно быстро пишется история человеческой жизни в какой-нибудь незамысловатой биографии. Но нет такой техники, которая бы описывала эндографию — почерк души, вдох каждой секунды прошедшего дня, ответвления мысли, аффект солнечного луча — словом, всю эту живую ткань сознательно пускают под нож, так как технически невозможно воплотить контекст личности во всей его полноте. Думаю, наступит время, когда доступ к утраченным слоям памяти научатся восстанавливать — проявлять фото пленку прожитого опыта, сквозь которую потянутся невидимые нити взаимодействий человека с его внутренней и внешней действительностью. Однако это погружение в себя окажется куда более опасным и безумным путешествием, чем любой физический шаг в осязаемую бездну. Бездна человеческой личности — это пазл, разложенный в бесконечности, это игра падающих на стол костяшек: постоянная необходимость выбирать даже тогда, когда возможность выбора отсутствует. Вся эта микроархитектура взаимодействий теряется, смывается, замещается новыми вспышками, ось пропадает за шестернями, уходит из виду. Натываясь на старые письма, поразительным образом осознаешь, что это был ты, но то, что было написано — совершенно выпавшая часть жизни, ее, казалось бы, не было, остался лишь

факт письма, события, времени. Мне бы хотелось увидеть это безупречное зеркало наяву: ставить на паузу эту хронику, перематывать, заново проживать диалоги, испытывать те первейшие реакции и ощущения, погружаясь в само золото смыслов здесь и сейчас, без искажений. Но хватит ли смелости вынести, пережить заново утраченное полотно жизни, которое пишется не всегда яркими и легкими мазками? Это и есть катарсис в чистом виде — его пока недостижимая точка в подобном выражении.

(2026)

Лента

сумку на ленту, поклажу души — под рентгеновый луч. свои скорби сложи, сверкающий нож разложи на межи, раздели до и после своей миражи, обо всем обстоятельно перескажи, втисни в строку, узелком завяжи. колет в бок от липкости лжи — бежи, не бежи, веру свою на шее держи. у турникетов на плитке пахнут бомжи, но внутренне так же — бетоново ложе этажи-памяти скомканной.

(2026)

Зерна

Зёрна и плевел — не разберу — мельница всё сотрёт. Плёнкой обтянутый шрам у трамбуется в грязный лёд чёрной рябы внутри.

Ни жив, и ни мёртв — готов. Что тут ни говори, сказочкой будет любовь, помноженная на боль.

Коротка и невнятна доля — вспышкой лопнувшей лампы, выстрелом тонкой искры в ровное зеркало космоса.

Прокричу туда, где Ты.

(2026)

Голос

Твой голос — раненая птица на небосклоне времени; я слышал тебя всегда и давно — это тихая тайна, это великий шёпот времени. Мне не нужно твоего имени, чтобы понять, что ты — по ту сторону, что-то отдельно существующее, вне законов типичной жизни. Ты узнала мою боль в зеркале бесконечности без слов, я узнал твою тихую радость; я скребу по земле, ища нужные слова, записывая на клочках и обрывках уходящую память, ты плывёшь в абсолюте тихой строгости и простоты. Пой величие бесконечного неба, пока я ищу покоя на вершине смысла, имя которому — любовь. Эти глаза были давно, вне времени, но они читают всё, с чем случайно пришёл сюда. Жаль, но молчание — единственное, чем я могу расплатиться за ту глубину взгляда, что пришлось взять с собой как тайный груз. Трагедия в том, что настоящее чувство всегда несвоевременно, но это именно то, что узнаёшь в лицо до боли поздно, и в этом — смысл пропасти: в глубину молчания, невысказанности той правды, что хранится и молчит.

(2026)

Полынь

Песней цветения, тёрном степным, царица полынь, одари. Ты сеяла шрамы, ты веяла споры. Царица полынь, прогори.

Свети горьким солнцем, шепчи одинокою музыкой воли. Твори.

Болью горячеей, веткой трескучей, в тени холодной замри. Рей свои запахи, вей свои горечи, пой свою долю и жди.

Тени безликие, тучи беззвучия — тени те в сонной степи.

Вижу я в сумраке, небом замученный, тонкую ноту зари.

(2026)

Путь

Раскорячиваются рельсы, Выгнутые дугой Кошек. Когтистыми и нарочито Хищными лапами
Роняют пейзаж Не слыша Голоса своего хозяина, Который дал им Имя. Бегать И играть веревочкой
Подвешенного горизонта, Бросать огненный мяч В холодную воду, Несущую в бездну.
Мои слова Алым бременем Заката, Роняя буквы В Балтийское зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.